

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Н.А. Скабаланович

Политика турецкого правительства
по отношению к христианским
подданным и их религии

Опубликовано:
Христианское чтение. 1878. № 9-10. С. 423-464.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Политика турецкаго правительства по отношенію къ христіанскимъ подданнымъ и ихъ религін

(отъ завоеванія Константинополя до конца XVIII ст.).

Въ 1453 году Константинополь палъ подъ ударами Магомета II и на развалинахъ византійской имперіи утвердилось государство османовъ или оттомановъ, которое съ XVII вѣка принято называть Оттоманской *имперіей*. Возрастаніе турецкой имперіи, начавшееся за полтора ста лѣтъ до завоеванія Константинополя, не остановилось въ 1453 году; оно и послѣ того продолжалось въ теченіи ста двадцати лѣтъ. Этотъ двадцатилѣтній періодъ, въ который выдающаяся роль и первое мѣсто принадлежитъ двумъ султанамъ—Магомету II и Сулейману I, былъ самымъ блестящимъ и замѣчательнымъ временемъ въ исторіи Оттоманской имперіи и имѣлъ рѣшающее вліяніе на послѣдующую ея судьбу. Это было время, когда владѣнія оттомановъ расширились вслѣдствіе новыхъ пріобрѣтеній въ Европѣ, Азій и Африкѣ (Сербія, Боснія, Пелопонезъ, острова Архипелага, Трапезундъ, Сирія, Египеть, Тунисъ), когда турецкія знамена побѣдоносно развѣвались въ Офенѣ и подъ стѣнами Вѣны, вліяніе султановъ простиралось на Молдавію, Валахію и Крымъ; но что важнѣе—это было время, когда государству была дана организація, которая почти безъ перемѣнъ сохранялась до начала XIX в. и частью сохраняется доселѣ, когда для восточныхъ христіанъ было создано то юридическое и фактическое положеніе, которое держалось до первой половины настоящаго сто-

лѣтія. Съ 1574 года начинается упадокъ турецкой имперіи; зародыши его таились въ томъ государственномъ устройствѣ, которое составляетъ славу Магомета II и Солимана I. Какъ результатъ государственнаго строя, особенностей политической и социальнo-общественной жизни, упадокъ имперіи былъ явленіемъ неизбежнымъ. Начавшись во второй половинѣ XVI ст., онъ съ неумолимою постепенностію совершается до нашего времени. Въ первые три вѣка послѣ его начала совершилась работа предварительная и вѣсть съ тѣмъ самая существенная; болѣзнь вполнѣ назрѣла и окончилась процессъ внутренняго разложенія государственнаго организма. Въ XIX ст. болѣзнь вышла наружу. внутреннее разложеніе проявилось распаденіемъ внѣшнимъ, не смотря на попытки турецкаго правительства исправить зло, — попытки оказавшіяся поздними и недѣйствительными.

Какъ ни странно можетъ показаться съ перваго взгляда, однакожь не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію тотъ фактъ, что величіе Оттоманской имперіи, блескъ ея въ лучшую пору ея существованія до извѣстной степени созданы руками христіанъ. Было не мало искателей приключеній изъ христіанъ, которые поступали въ войско турокъ и принимали участіе въ ихъ походахъ; особенно важныя услуги они оказывали туркамъ въ тѣхъ отрасляхъ военнаго и морскаго дѣла, въ которыхъ сами турки не обладали достаточною опытностію и знаніемъ; они завѣдывали артиллеріей, флотомъ, работали въ арсеналахъ и на корабельныхъ верфяхъ. Несравненно большее значеніе для Оттоманской имперіи имѣли христіанскіе ренегаты, т. е. христіане, принявшіе исламъ добровольно или по принужденію. Еще задолго до завоеванія Константинополя у османовъ установилась система—привлекать христіанъ на службу государству, предварительно обративши ихъ въ исламъ; существовали правильно организованныя учрежденія съ специальною цѣлью готовить для военной и гражданской службы христіанскихъ мальчиковъ, взятыхъ въ плѣнъ на войнѣ или въ видѣ подати съ мирнаго христіанскаго населенія. Эта система тщательно поддержи-

валась и послѣ занятія Константинополя, въ блестящій періодъ Оттоманской имперіи до 1574 г. Янычары, турецкая пѣхота, исключительно состояли изъ христіанъ, обращенныхъ въ мусульманство; сипаги, турецкая конница, состоявшая на жалованьи, въ отличіе отъ сипаги, конныхъ ленниковъ, не получавшихъ жалованья, тоже почти исключительно пополнялись христіанами, перешедшими въ исламъ. Всѣ важнѣйшія административныя должности были въ рукахъ христіанскихъ ренегатовъ. Должность великаго визиря въ разсматриваемый періодъ ни разу не была занята природнымъ туркомъ, ее занимали лица, происходившія изъ христіанскихъ фамилій. При Сулейманѣ I, при которомъ должность великаго визиря была окончательно выработана, было три знаменитыхъ администратора, занимавшихъ эту должность: Ибрагимъ-паша, Рустемъ-паша и Магометъ-Соколли. Всѣ они не были османами по происхожденію: первый былъ грекъ, попавшійся туркамъ въ плѣнъ, второй—сынъ сербскаго крестьянина, отданный помѣщикомъ казнѣ въ видѣ уплаты за долги, третій былъ родомъ изъ Требинья, въ молодости готовился къ поступленію въ духовное званіе у своего родственника, приходскаго священника, получилъ уже званіе чтеца, но на 18 году жизни былъ взятъ турками при сборѣ десятины съ христіанскихъ дѣтей. При другихъ султанахъ было тоже, что при Сулейманѣ; должность великаго визиря была какъ бы привилегіей христіанскихъ ренегатовъ и не вручалась лицамъ турецкаго происхожденія. Съ второстепенными должностями было тоже самое. Можно привести рядъ именъ, принадлежащихъ лицамъ, игравшимъ политическую роль при Магометѣ II и послѣ него, о которыхъ положительно извѣстно, что они не были турецкаго происхожденія. Хассъ-Мурадъ-паша, беглербекъ Румилии, который помогъ Магомету II одержать побѣду надъ владѣтелемъ Карамана въ Азіи, былъ греческій ренегатъ изъ рода Палеологовъ, Балабанъ-Бадеръ и Якубъ, боровшіеся съ Скандербегомъ въ Албаніи, оба были албанскіе ренегаты; Сулейманъ, водившій войска Магомета II противъ венеціанъ, былъ боснійскій ренегатъ; послѣ удачной экспедиціи въ

Апулію и взятія Отранто при Магометъ II намѣстникомъ этого города былъ поставленъ греческій ренегатъ, говорившій поитальянски; планъ осады острова Родоса былъ составленъ для Магомета II однимъ нѣмецкимъ ренегатомъ. При Сулейманъ I во время переговоровъ съ королемъ Фердинандомъ выступаютъ на сцену два толмача Порты, одинъ ренегатъ нѣмецкій, другой польскій и т. д. Вообще можно сказать, что вся администрація, войско и флотъ находились почти исключительно въ вѣдѣніи лицъ, не бывшихъ османами по происхожденію, вышедшихъ изъ среды христіанскаго населенія. Только тѣ отрасли управленія, съ которыми связано было попеченіе о духовныхъ интересахъ османскаго народа—правосудіе, религія, образованіе составляли исключительное достояніе природныхъ османовъ; ниодинъ христіанинъ, перешедшій въ исламъ, никогда не былъ допущенъ къ занятію судебной должности, къ отправленію религіозныхъ требъ или обученію турецкаго юношества. Такимъ образомъ существовало самое строгое разграниченіе: матеріальныя силы государства были въ рукахъ христіанскихъ ренегатовъ, духовная жизнь народа въ рукахъ природныхъ османовъ. Эта система была въ полной силѣ до 1574 г., т. е. въ періодъ процвѣтанія Оттоманской имперіи, и мы можемъ констатировать знаменательный фактъ, что начало упадка имперіи сопровождается нарушеніемъ системы, совпадаетъ съ первыми попытками турокъ обойти ее. Отъ XVI в. есть извѣстія, что турки отдавали дѣтей христіанамъ съ тѣмъ, чтобы при взиманіи подати христіане выдавали ихъ за своихъ собственныхъ и чтобы такимъ образомъ они могли попасть въ ряды янычаръ и на высшія административныя должности въ государствѣ ¹⁾). Эти и другія подобныя злоупотребленія привели наконецъ къ тому, что христіане были освобождены отъ обязанности платить десятину дѣтьми; эта тягостная для ихъ нравственнаго и религіознаго чувства подать была отмѣнена въ 1638 году. Какъ бы то ни было, тѣмъ или другимъ способомъ, въ XVI в.

¹⁾ Донесеніе Лоренцо Бернардо у Albèri, Relazioni degli ambasciatori Veneti al senato, Serie 3, t. II, p. 332.

много природных османовъ очутилось на высшихъ государственныхъ должностяхъ — гражданскихъ и военныхъ, постепенно они стали брать численный перевѣсъ надъ лицами вышедшими изъ христіанъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ оканчивается періодъ процвѣтанія Оттоманской имперіи, она начинаетъ клониться къ упадку. Если ставить эти явленія въ генетическую связь, то можно сдѣлать весьма пелестный для турецкаго самолюбія выводъ относительно способности османовъ къ самобытной политической жизни.

Систематическое покровительство ренегатамъ изъ христіанъ, обычай раздавать имъ лучшія и доходнѣйшія мѣста принесли несомнѣнную пользу имперіи. Но насколько онъ былъ полезенъ османамъ, настолько же былъ вреденъ христіанамъ, въ значительной мѣрѣ способствуя ихъ деморализаціи. Лучшія силы христіанъ отвлекались на службу исламу, люди даровитые и честолюбивые приносили религиозныя убѣжденія въ жертву матеріальнымъ выгодамъ и эгоистическимъ разсчетамъ, христіанская молодежь становилась равнодушною къ вѣрѣ отцовъ. Мы видимъ примѣры, когда чисто политическія соображенія дѣлаются мотивомъ къ переменѣ вѣры. Братъ боснійскаго краля Сигизмундъ и его сестра Екатерина принимаютъ исламъ для того только, чтобы обезпечить себѣ помощь Магомета II и при его содѣйствіи получить во владѣніе часть Босніи. Одинъ изъ восьми сыновей транезундскаго императора Давида принимаетъ исламъ для того, чтобы избѣжать участи, которой подверглись его отецъ и братья, павшіе отъ руки палача. Съ тою же цѣлью — спасти жизнь — принимаетъ исламъ лесбоескій герцогъ Николай вмѣстѣ съ своимъ братомъ. Жители Хіуса, послѣ взятія острова османами при Сулейманѣ I, ищутъ въ исламѣ спасенія для своей свободы и дѣлаются мусульманами, не желая быть рабами мусульманъ. Грузинскій царь Менотшеръ переходитъ въ исламъ, потому что видитъ въ немъ вѣрное средство сдѣлать для себя хорошую карьеру. Много было подобныхъ примѣровъ, когда постороннія побужденія, не имѣвшія ничего общаго съ внутренними религиозными убѣжденіями, заставляли христіанъ переходить въ мусульманскій

лагерь. Это были случаи, достойные сожалѣнія, но не заключавшіе въ себѣ никакихъ особенно опасныхъ для дѣла христіанства симптомовъ. Гораздо опаснѣе было то общее настроеніе, которое стало господствовать въ юномъ христіанскомъ обществѣ, походило на религіозную индифферентность и бросалось въ глаза путешественникамъ. Одинъ писатель половины XVI в. слѣдующимъ образомъ передаетъ свои впечатлѣнія: „живы еще люди, которые помнятъ, какъ былъ взятъ Константинополь и какъ Греція, Албанія, Валахія и Сербія, называемая нынѣ турками Босніей, изъ государствъ снизошли въ разрядъ простыхъ провинцій. Эти люди остаются вѣрными Христу. Но молодежь начинаетъ забывать Его и недолго ждать того времени, когда отъ имени христіанъ останется одно воспоминаніе. Тоже произойдетъ въ Кроатіи, Венгріи и Славоніи, которыя незадолго предъ симъ, благодаря новымъ побѣдамъ, присоединены къ Оттоманскому государству“ ¹⁾. Мрачныя предсказанія Георгіевича, которому принадлежатъ эти слова, были вызваны видомъ того всеобщаго равнодушія, которое онъ встрѣчалъ среди христіанъ и которое заставляло опасаться, что достаточно малѣйшаго толчка, чтобы уже не отдѣльныя личности, но цѣлыя массы со-вратились въ исламъ. До какой степени опасенія были основательны, видно изъ того, что ихъ раздѣляло само турецкое правительство, причѣмъ, само собою понятно, внутренняя подкладка этихъ опасеній у турецкаго правительства была совершенно другая, чѣмъ у Георгіевича. Георгіевича тревожила будущая судьба христіанства на востокѣ, а турецкое правительство озабочено было матеріальнымъ ущербомъ, какой терпитъ государство отъ перехода христіанъ въ мусульманство, такъ какъ съ уменьшеніемъ числа христіанъ долженъ уменьшиться караджъ, платимый ими государству, и взимаемая съ нихъ подать дѣтьми. Во 2-й половинѣ XVI в. Порта обратила на этотъ предметъ серьезное вниманіе и приняла мѣры къ тому, чтобы преградить христіанамъ возможность уклоняться

---

¹⁾ Георгіевичъ у Sansovino, *Historia universale dell' Turchi*, fol. 32.

отъ государственныхъ повинностей подъ ширмою ислама, выдавая себя за перешедшихъ изъ христіанства въ мусульманство. Одинъ венеціанскій посланникъ въ своемъ донесеніи венеціанскому сенату положительно свидѣтельствуетъ, что султанъ воспретилъ христіанамъ переходить въ исламъ, съ цѣлью освободить своихъ дѣтей отъ взятія на службу подъ видомъ десятины ¹⁾. Это свидѣтельство весьма характеристично. Оно показываетъ, что религіозный фанатизмъ, составляющій неотъемлемую принадлежность вооруженныхъ столкновеній турокъ съ христіанскимъ міромъ, ограничивался полемъ битвы и мало заявлялъ о себѣ въ правительственной сферѣ. Фанатизмъ всегда составлялъ у турокъ жизненный нервъ военнаго дѣла; но коль скоро вопросъ не касался войны, религіозное настроеніе легко уступало мѣсто политическимъ соображеніямъ. Съ другой стороны это свидѣтельство служитъ косвеннымъ указаніемъ того, что религіозное сознаніе въ христіанскомъ обществѣ подъ вліяніемъ турецкаго господства и турецкой системы управленія понизилось, твердость въ вѣрѣ ослабѣла и случаи совращенія въ исламъ сдѣлались чаще, чѣмъ были прежде. Георгіевичъ имѣлъ поэтому нѣкоторыя основанія съ тревогою ожидать того времени, когда самое имя христіанъ будетъ истреблено въ Оттоманской имперіи. Къ счастью, его ожиданія не оправдались: христіанство не только уцѣлѣло, но сдѣлалось охраною національности, народныхъ нравовъ и залогомъ политическаго возрожденія Востока. Рѣшающее значеніе въ этомъ дѣлѣ имѣло то обособленное и до извѣстной степени независимое положеніе, которое создано было для христіанъ Магометомъ II послѣ завоеванія Константинополя въ 1453 году.

Положеніе, занятое христіанами въ турецкой имперіи, съ логическою послѣдовательностію вытекаетъ изъ того государственнаго устройства, которое сообщено имперіи Магометомъ II и впоследствии развито Сулейманомъ I, изъ тѣхъ принциповъ, которые легли

¹⁾ Тьеполо въ сборникѣ Albèri, *Relazioni degli ambasciatori Veneti al senato* t. II, p. 136.

въ основу этого устройства. Устройство османскаго государства, при всей своей образности, характеризующей вообще мышленіе восточныхъ народовъ, отличается выдержанностію въ проведеніи основныхъ началъ. Государство, по представленію османовъ, есть большой домъ. Фундаментомъ его служатъ: общее право (шери), государственное право (канунъ), обычай (аадеть) и воля государя (урфъ). Выдающуюся часть зданія составляютъ ворота — Порты; это названіе примѣнено для обозначенія правительства, вѣроятно въ связи съ тѣмъ, что въ древнее время дѣла рѣшались государями у воротъ ихъ дворцовъ. Внутри дома есть залъ, а въ немъ Диванъ, на которомъ возсѣдаютъ знатнѣйшіе сановники, — отсюда словомъ этимъ обозначается государственный совѣтъ. Важнѣйшіе сановники государства раздѣлены Магометомъ II на четыре класса, въ соотвѣтствіе съ четырьмя міровыми стихіями, четырьмя добродѣтелями, словомъ во вниманіе къ фаталистическому значенію числа четыре, играющему въ глазахъ восточнаго жителя весьма важную роль. Первые четыре сановника составляютъ опоры трона (эркини девлетъ), — сюда относятся: визирь, кадіаскеръ (войсковой судья), дефтердаръ (главный казначей), нишанджи (статсъ-секретарь). За этими опорами трона слѣдуютъ: кьяджа-бей (дѣлопроизводитель великаго визира), рейсъ-эфенди (министръ иностранныхъ дѣлъ), чауш-баши (министръ внутреннихъ дѣлъ). Корпорация улемовъ съ муфтіемъ или шейхъ-уль-исламомъ во главѣ тоже была раздѣлена на соотвѣтствующее число классовъ. Несмотря однакожъ на такую образность въ возрѣніи на государство и на такія механическія, случайныя подраздѣленія, чрезъ все государственное устройство проходитъ одна общая мысль. Это именно — единство религіознаго начала. Религія, исламъ составляетъ принципіальное начало всего государственнаго строя. Всѣ отправленія государственной жизни, управленіе, судъ, войско, финансы, полиція, поземельныя отношенія основаны на исламѣ и формулированы по предписаніямъ Корана. Государство османовъ имѣетъ характеръ мусульманскаго государства въ строгомъ смыслѣ этого слова. Строгое проведеніе чрезъ весь государственный

механизмъ этой основной мысли повело къ тому, что государственная жизнь османовъ приняла направленіе совершенно отличное отъ жизни европейскихъ народовъ. Тогда какъ европейскія государства прогрессивно развивались, ихъ учрежденія все болѣе совершенствовались, Турція застыла на одномъ уровнѣ; неподвижность сдѣлалась отличительною особенностію ея существованія. Иначе и не могло быть тамъ, гдѣ въ основѣ политическаго существованія лежатъ неизмѣнныя божественныя законы, гдѣ народная самодѣятельность заключена въ тѣсныя рамки, освященныя высшимъ авторитетомъ. Далѣе, тогда какъ всѣ почти великіе народы Европы образовались изъ сліянія племенъ, господствующее племя не выдѣлялось, не становилось въ положеніе изолированное отъ другихъ племенъ, не дѣлало политическихъ учрежденій своимъ исключительнымъ правомъ, но допускало эти племена къ участию въ учрежденіяхъ и чрезъ то открывало путь къ сліянію въ одно цѣлое элементовъ отличныхъ по вѣрѣ, языку и нравамъ,—въ Турціи произошло явленіе обратное: изолированность сдѣлалась необходимымъ условіемъ политической жизни, сліянiе племенъ оказалось немислимымъ, исламъ сталъ непреодолимымъ препятствіемъ на пути къ объединенію. Такъ какъ политическая жизнь Турціи организована по предписаніямъ Корана и поставлена въ тѣснѣйшую связь съ религіей, то отсюда произошло, что непремѣннымъ условіемъ участія въ политическихъ учрежденіяхъ сдѣлалось исповѣданіе ислама; только мусульманамъ предоставлено быть вполне правоспособными, политически полноправными гражданами; народамъ немусульманскимъ прегражденъ доступъ къ политическимъ правамъ; при извѣстныхъ условіяхъ, строго опредѣленныхъ въ Коранѣ, имъ дается право жизни, но только жизни отдѣльной отъ мусульманъ. Наконецъ это проникновеніе оттоманскаго государства религіознымъ началомъ повело еще къ одной особенности: сдѣлало неизбѣжнымъ сліянiе функций государственныхъ съ религіозными; знатоки Корана, улемы, въ одно-и тоже время духовныя лица и судьи; ихъ глава Шейхъ-уль-исламъ занялъ вліятельное мѣсто въ государствѣ и его приговоры

(фетва) получили силу при рѣшеніи вопросовъ не только религіознаго, но и государственнаго свойства. Эти особенности османскаго государства—политическая изолированность и сліяніе церкви съ государствомъ, функцій религіозныхъ съ государственными, сдѣлались исходнымъ пунктомъ узаконеній Магомета II относительно христіанъ, ими обуславливалось то положеніе, въ которое поставлены были христіане послѣ завоеванія Константинополя.

При взятіи Константинополя турками много христіанъ погибло и попало въ плѣнъ, но многіе уцѣлѣли отъ руки османовъ и частію скрылись въ городѣ, частію разбѣжались по окрестностямъ. Магомету II прежде всего предстояло рѣшить вопросъ: какъ поступить съ христіанами, оставшимися въ живыхъ. Въ коранѣ указано три способа отношенія къ христіанамъ: первый способъ—обращеніе въ исламъ, съ предоставленіемъ правъ, принадлежащихъ мусульманамъ; второй—оставленіе права на существованіе тѣмъ, которые не желаютъ перейти въ исламъ, но и не окажутъ вооруженнаго сопротивленія мусульманамъ, сдадутся на капитуляцію,—за право на жизнь они, въ качествѣ покоренныхъ, рабовъ, должны платить дань—караджъ; третій способъ—истребленіе тѣхъ, которые окажутъ сопротивленіе мусульманамъ, не изъявятъ имъ покорности и не захотятъ принять исламъ. Первый способъ всего менѣе могъ быть примѣненъ къ христіанамъ, уцѣлѣвшимъ отъ турецкаго разгрома; отдѣльныя лица еще можно было склонить къ мусульманству, но масса твердо держалась вѣры предковъ. Второй способъ, собственно говоря, тоже былъ непримѣнимъ въ данномъ случаѣ: Константинополь не сдался на капитуляцію, но взятъ штурмомъ, жители Константинополя не принадлежали къ разряду людей, смиренно преклонившихся предъ турецкимъ оружіемъ и изъясвившихъ покорность, они оказали вооруженное сопротивленіе и уступили только предъ силою. Слѣдовательно, по буквѣ закона, къ нимъ могъ быть примѣненъ третій способъ—истребленіе. Но Магометъ II ни по личнымъ симпатіямъ, ни по политическимъ расчетамъ не былъ расположенъ поступать съ ними такъ круто. Столкновенія

османовъ съ христіанами, продолжавшіяся въ теченіи полутора столѣтій до завоеванія Константинополя, не прошли безслѣдно. Эти столкновенія имѣли характеръ не исключительно враждебный; христіане вѣдались съ османами не только на полѣ битвы, но вступали съ ними въ мирныя отношенія и даже роднились путемъ браковъ. Посредствомъ брачныхъ союзовъ христіанскіе нравы приходили въ соприкосновеніе съ нравами османовъ на почвѣ домашней семейной жизни, посредствомъ разнообразнаго рода отношеній, которыя завязывались между христіанами и османами вслѣдствіе близкаго сосѣдства между ихъ поселеніями и вслѣдствіе присутствія христіанъ на турецкой службѣ, нравы тѣхъ и другихъ соприкасались на почвѣ общественной. Турки ближе знакомились съ христіанами, заимствовали у нихъ утонченныя обычаи, дѣлались мягче и терпимѣе. Прежняя грубость и жестокость, съ какою они относились къ христіанамъ, если и не исчезла совершенно, то до извѣстной степени ослабѣла. Османы, овладѣвшіе Константинополемъ, не смотрѣли уже на христіанъ, какъ на своихъ непримиримыхъ враговъ и не поступали съ ними съ тою дикою безпощадностію, которая отличала ихъ предковъ время Османа или Урхана. Магометъ II не уступалъ въ этомъ отношеніи лучшимъ османамъ и рѣшился оказать снисходительность христіанамъ, тѣмъ болѣе что имѣлъ къ этому побужденія политическія. Онъ задался цѣлью придать себѣ видъ наслѣдника византійскихъ императоровъ, вполне утвердить свое государство на мѣстѣ византійской имперіи, такъ чтобы столица византійской имперіи сдѣлалась его резиденціей. Для достиженія этой цѣли необходимо было относиться къ бывшимъ подданнымъ Византіи по возможности кротко и въ духѣ византійскихъ императоровъ, затѣмъ необходимо было сдѣлать Константинополь обитаемымъ и населить его, а чтобъ склонить разбѣжавшихся жителей возвратиться въ городъ и христіанъ, обитавшихъ въ другихъ мѣстахъ, переселяться въ Константинополь, для этого нужно было не гнать христіанъ и не истреблять ихъ, но всячески покровительствовать. До какой степени Магометъ заботился о за-

селеніи Константинополя—видно изъ того, что впослѣдствіи рѣдкій походъ оканчивался безъ того, чтобы извѣстная часть жителей завоеванной мѣстности или города не была переселена въ Константинополь. Кромѣ заботы о заселеніи Константинополя, еще одно обстоятельство заставляло Магомета !1 покровительственно относиться къ христіанамъ. Палеологи въ борьбѣ съ турецкими султанами постоянно обращали взоры на западъ и искали помощи у католическихъ народовъ западной Европы. Чтобы привлечь на свою сторону католическій западъ и заручиться поддержкою папы, о могуществѣ котораго и вліяніи на народы запада Палеологи имѣли нѣсколько преувеличенное представленіе, они затѣяли церковную унію. Но эта религіозная сдѣлка, плодъ политической необходимости, вызвала сильную оппозицію въ православныхъ грекахъ и не удалась. Константинополь не былъ спасенъ. Магометъ, для успешной борьбы съ которымъ дѣлались уніонныя попытки, видѣлъ, что въ Константинополь существуетъ двѣ партіи: одна—уніонистовъ, которая въ союзѣ съ западомъ стремится сокрушить его могущество, другая—партія православныхъ, составляющая оппозицію уніонистамъ и слѣдовательно косвенно поддерживающая его интересы. Естественно, что онъ долженъ былъ покровительствовать этой послѣдней партіи. Кромѣ признательности за прежнія услуги, хотябы оказанныя бессознательно и произвольно, его побуждали къ такой политикѣ расчеты на услуги этой партіи въ будущемъ. Онъ имѣлъ полное основаніе ожидать, что завоеваніе Константинополя не остановитъ въ западной Европѣ движенія противъ турокъ, что пропаганда крестовыхъ походовъ не затихнетъ, напротивъ получить новый толчекъ и силу. Магомету выгодно было имѣть въ средѣ христіанскаго населенія партію, настроенную непріязненно противъ католицизма, на которую при случаѣ можно было опереться въ борьбѣ противъ католическаго ополченія. Вотъ почему Магометъ явился покровителемъ православныхъ. И не только въ этомъ случаѣ Магометъ поступилъ подобнымъ образомъ по отношенію къ константинопольскимъ грекамъ, но вездѣ и всякій разъ, когда возникала

борьба между партіями, изъ которыхъ одна тяготѣла къ папѣ и западно-католическому міру, Магометъ слѣшилъ стать на сторону противокатолической партіи и покровительствовалъ ей, потому что не безъ основанія видѣлъ въ приверженцахъ католической партіи своихъ личныхъ враговъ. Напр. когда Елена, вдова сербскаго краля Лазаря отдала Сербію въ ленъ папскому престолу, въ надеждѣ найти на западѣ защиту противъ турокъ, Магометъ немедленно вошелъ въ соглашеніе съ сербскими боярами, державшимися строго-православныхъ возрѣвнѣй и неодобрявшими поступка Елены, щедро ихъ наградилъ и самъ извлекъ изъ союза съ ними всевозможныя для себя выгоды; опираясь на нихъ, занялъ Сербію, обратилъ ее въ османскую провинцію, а 200 тысячъ сербовъ взялъ въ плѣнъ и выселилъ. Аналогичное явленіе произошло также въ Босніи. Когда католическая партія, заручившись обѣщаніемъ помощи со стороны папы, смѣло начала въ Босніи агитацію противъ турокъ, Магометъ выступилъ покровителемъ противной партіи, считавшей въ своихъ рядахъ казаровъ. Результатъ былъ тотъ-же, что въ Сербіи. Боснія обращена въ османскую провинцію и болѣе ста тысячъ босняковъ выселено частію въ Константинополь, частію въ азіатскую Турцію.

Магометъ рѣшился примѣнить къ константинопольскимъ христіанамъ то правило, которое назначено было Кораномъ для христіанъ, изъявившихъ покорность, и при томъ дать ему такую постановку, для которой прецедентъ и готовый образецъ онъ имѣлъ въ хартіи, данной за восемь столѣтій до его времени, халифомъ Омаромъ іерусалимскимъ христіанамъ. Содержаніе хартіи, данной Омаромъ христіанамъ послѣ капитуляціи Іерусалима въ 637 году, сводится къ слѣдующимъ положеніямъ: христіанамъ оставляется жизнь за плату ежегодной подати—караджа, ихъ церкви не отнимаются и не разграбляются и вообще христіане получаютъ свободу въ отправленіи религіозныхъ обрядовъ, съ нѣкоторыми лишь ограниченіями—не строить новыхъ церквей, не ставить крестовъ на церквахъ и дорогахъ и не употреблять колокольнаго звона; они отказываются отъ привилегій, имѣющихъ отношеніе къ политическимъ

правамъ мусульманъ, какъ-то, отъ привилегіи носить оружіе и ѣздить верхомъ на лошадахъ,—находящейся въ связи съ правомъ военной службы. Опреждленія хартіи Омара находятся въ строгомъ соотвѣтствіи съ началами ислама, они неизмѣнно сохранились до временъ Магомета II и легли въ основу его государственнаго устройства. Естественно поэтому предположить, что Магометъ II имѣлъ ее въ виду, давая права христіанамъ своего государства. Но если даже допустить, что онъ дѣйствовалъ самостоятельно, независимо отъ примѣра предшествующаго времени, то всетаки онъ долженъ былъ идти по слѣдамъ халифа Омара въ силу неизбѣжной логики вещей, вслѣдствіе того, что онъ твердо стоялъ на тойже почвѣ и дѣйствовалъ въ полномъ согласіи съ тѣми же принципами, на которой стоялъ и по которымъ дѣйствовалъ халифъ Омаръ. Ихъ мѣропріятія по необходимости должны были совпасть и быть тождественными по духу и смыслу. Дѣйствительно, сравнивая права, данныя Магометомъ II византійскимъ христіанамъ, съ правами, данными Омаромъ христіанамъ іерусалимскимъ, мы видимъ, что первыя частію составляютъ повтореніе послѣднихъ, частію дальнѣйшее развитіе и точнѣйшее выясненіе.

На третій день послѣ взятія Константинополя Магометъ II приказалъ объявить чрезъ герольдовъ, что всѣ, отъ мала до велика, оставившіе свои дома и скрывшіеся въ потаённыхъ мѣстахъ города, могутъ выйти безъ всякаго опасенія, и тѣ, которые изъ страха предъ османскимъ оружіемъ бѣжали изъ города, могутъ возвратиться въ свои жилища и жить согласно своимъ обычаямъ и предписаніямъ своей религіи, какъ жили прежде. Узнавши, что прежній греческій патріархъ умеръ и его мѣсто еще не занято, Магометъ II приказалъ, чтобы христіане—греки избрали себѣ патріарха тѣмъ же порядкомъ, какой до сихъ поръ существовалъ въ византійской имперіи. Епископы, случайно бывшіе въ Константинополѣ, высшее духовенство и знатнѣйшіе міряне на скорую руку составили синодъ и избрали патріархомъ ученаго противника уніонистовъ, Георгія Схоларія, который принялъ имя Геннадія. Маго-

метъ остался доволенъ выборами на патріаршую кафедру строгаго приверженца православной партіи и потребовалъ свѣдѣній о томъ, какія въ подобныхъ случаяхъ соблюдались церемоніи въ прежнее время и какую при этомъ роль играли византійскіе императоры. Ему сообщили, что при избраніи новаго патріарха императоры обыкновенно вручали новоизбранному золотой жезлъ, украшенный жемчугомъ и драгоценными камнями и дарили ему отборную лошадь изъ императорской конюшни, богато убранныю роскошнымъ сѣдломъ и чепракомъ изъ бѣлаго шелка, тканаго золотомъ. Императоръ сидѣлъ на тронѣ въ своемъ дворцѣ, въ соприсутствіи приближенныхъ и государственныхъ сановниковъ, и когда, послѣ церковнаго благословенія и пѣнія положенныхъ стиховъ, митрополиты кесарійскій и гераклеійскій подводили къ нему новоизбраннаго, вставалъ, поднималъ жезлъ правой рукой и со словами: „святая Троица, давшая мнѣ власть, возводитъ тебя на патріаршество новаго Рима“, вручалъ его избранному. Патріархъ благодарилъ императора, раздавалось пѣніе „исполла эти деснота“ и обрядъ оканчивался. Патріархъ выходилъ изъ дворца, въ сопровожденіи свѣщеносцевъ, садился на приготовленную для него лошадь и отправлялся въ храмъ св. Софіи. Магометъ II, смотрѣвшій на себя, какъ на преемника Палеологовъ, находилъ нужнымъ исполнить этотъ обрядъ, разумѣется, выбросивши изъ него все, что было въ немъ несовмѣстимаго съ достоинствомъ мусульманскаго государя. Онъ пригласилъ Геннадія къ себѣ во дворецъ, долго бесѣдовалъ съ нимъ, многое ему обѣщалъ, обнадежилъ на счетъ будущности христіанъ и христіанской религіи, при разставаніи вручилъ ему золотой жезлъ, украшенный жемчугомъ и драгоценными камнями и самъ проводилъ до выхода изъ дворца. Здѣсь подведена была патріарху отборная лошадь съ роскошнымъ сѣдломъ и чепракомъ изъ бѣлаго шелка, тканаго золотомъ, и когда онъ сѣлъ на нее, султанъ приказалъ своимъ приближеннымъ и сановникамъ сопровождать патріарха, только не въ храмъ св. Софіи, какъ дѣлалось до сихъ поръ, но въ храмъ св. Апостоловъ. Христіане, привлеченные обѣ-

шаніями султана, его терпимостью и уваженіемъ къ древнимъ обычаямъ, во множествѣ стали являться въ Константинополь и селиться въ кварталѣ (Фанарь), прилежащемъ къ монастырю всеблаженной Дѣвы Маріи (τῆς Παμμαχαρίστου), который, по просьбѣ патріарха, отданъ былъ ему для жительства. Чтобы придать больше значенія своимъ обѣщаніямъ и сообщить имъ силу закона, Магометъ II далъ Геннадію грамоту, въ которой перечислены были права патріарха, подчиненныхъ ему епископовъ и христіанъ. Этою грамотой, скрѣпленной подписью султана, обезпечивалась свобода и безопасность христіанъ; патріархъ, его преемники и подвластные ему епископы освобождались отъ податей и налоговъ; положено было основаніе для тѣхъ правъ, которыя юридически оставались за христіанами до XIX в. ¹⁾:

Грамота Магомета II сгорѣла во время бывшаго въ Константинополѣ пожара и текстъ ея не сохранился, но о содержаніи ея можно судить по даннымъ позднѣйшаго времени. Положеніе христіанъ, въ главныхъ чертахъ опредѣленное этою грамотою, не потерпѣло существенныхъ измѣненій въ теченіи трехъ съ половиною столѣтій; какимъ оно было при Магометѣ II, такимъ же осталось и послѣ него, сдѣланы дополненія и измѣненія въ частностяхъ и пунктахъ второстепенныхъ, но общій смыслъ и основные пункты остались тѣже. По документамъ послѣдующаго времени, по бератамъ и фирманамъ, которые издавались султанами по поводу избранія новыхъ патріарховъ и епископовъ, можно безошибочно судить о характерѣ тѣхъ отношеній, въ какія стало къ христіанамъ мусульманское государство, о томъ, какое мѣсто отведено было христіанамъ въ Оттоманской имперіи. Сначала отношенія эти обнимали христіанъ православнаго исповѣданія, но потомъ они распространились и на христіанъ другихъ исповѣданій; права, которыя первоначально даны были Магометомъ II греческому патріархату, потомъ

¹⁾ Phrantzes, lib. III, c. XI, pag. 304—303, ed. Bonn. Martini Crusii, Turcograecia, p. 119.

усвоены были армянамъ и другимъ христіанскимъ сектамъ (мельхитамъ, несторіанамъ, монофизитамъ и моноелитамъ или маронитамъ). Права эти совершенно тождественны. Права, данныя католикамъ, при нѣкоторомъ сходствѣ, носятъ на себѣ особый отпечатокъ и отличаются нѣсколько другимъ характеромъ.

Первымъ признакомъ отношеній между турецкимъ государствомъ и христіанскими подданными, опредѣленныхъ законами Магомета II, служить религіозная и политическая разобщенность. Мусульманское государство, по своей природѣ, не могло допустить въ свою среду гражданъ немусульманъ; религіозное разпогласіе было препятствіемъ къ объединенію. Христіанское общество было отрѣзано отъ мусульманскаго государства, существованіе христіанъ поставлено внѣ и независимо отъ отправления государственной жизни; доступъ къ участию въ этихъ отправленияхъ для христіанъ былъ прегражденъ. Вслѣдствіе этого христіане были лишены существенной принадлежности полноправныхъ гражданъ, правъ политическихъ; въ тѣхъ случаяхъ, когда христіанамъ приходилось сталкиваться съ мусульманами на почвѣ политической, первые являлись людьми безправными и не имѣющими цѣны сравнительно съ послѣдними,—государство не допускало уравниенія между ними. Отсюда, между прочимъ, происходило, что свидѣтельство, данное на судѣ христіаниномъ противъ мусульманина, не имѣло никакого значенія, между тѣмъ какъ показаніе мусульманина противъ христіанина принималось и имѣло полную силу. Отдѣливъ отъ себя христіанъ въ политическомъ отношеніи, государство предоставило имъ организоваться въ самостоятельныя общины, съ собственными, независимыми отъ государства установленіями—религіозными и гражданскими, съ собственной администраціей и судомъ. Другимъ важнымъ признакомъ отношеній между турецкимъ государствомъ и христіанскими подданными служить то, что мусульманскія государственныя начала перенесены были на христіанскія общины, мусульманскій государственный строй нѣкоторыми своими сторонами послужилъ прототипомъ христіанскихъ общинъ, организація послѣднихъ логически вы-

ведена изъ государственной организаціи. Прежде всего это нужно сказать касательно принципа религіознаго единства. Въ основѣ оттоманскаго государства лежитъ религія, при томъ религія одна, исключаящая всякую другую религію. Что стоитъ внѣ ислама, то выдѣлено изъ государства; не признающіе Корана не причисляются къ разряду полноправныхъ гражданъ. Тоже правило примѣнено къ организаціи христіанскихъ общинъ: въ основу общины положено одно христіанское исповѣданіе, другое рядомъ съ нимъ не допускается. Такъ какъ основой общины послужила религія, то отсюда произошло, что національный элементъ отодвинуть на задній планъ, въ глазахъ правительства онъ не имѣетъ особаго значенія; значеніе, принадлежащее націи, усвоено религіи, или лучше сказать, общинѣ, основанной на религіи. Порта называетъ своихъ подданныхъ, которыхъ она подчинила константинопольскому патріарху „греческою націей“ — румъ миллети. Подъ этимъ словомъ разумѣются не одни греки, но все исповѣдующіе греческую религію, греки, славяне и влахи. Миллети имѣетъ на турецкомъ языкѣ значеніе не націи въ европейскомъ смыслѣ слова, но административной корпораціи, общины, соединенной въ одинъ административный союзъ, связующимъ звѣномъ которой служитъ религія, а не національность. Точно также словомъ „латинская нація“ — латинъ райесси — Порта обозначаетъ всехъ исповѣдующихъ католическую вѣру, болгаръ, босняковъ, кроатовъ и другихъ. Тѣмъ обстоятельствомъ, что въ основу общины положена одна только религія, объясняется образованіе въ турецкой имперіи не одной, но нѣсколькихъ общинъ, по числу исповѣданій. Разныя національности могутъ входить въ составъ одной и тойже общины, лишь бы онѣ исповѣдывали одну религію, но разныя исповѣданія не могутъ совмѣщаться въ одной общинѣ, хотя бы исповѣдующіе были лица одной національности. Отсюда произошло, что Турція не только не представляетъ цѣльнаго государственнаго организма, но даже не ограничивается дуалистическимъ построеніемъ, такъ чтобы одну половину составляли мусульмане, а другую — христіане. Она слагается изъ такого числа об-

щинъ, которое соотвѣтствуетъ числу религій и религіозныхъ исповѣданій. Народы, имѣющіе свою особую религію, имѣютъ въ то же время свои особыя административныя учрежденія и въ гражданскихъ дѣлахъ подлежатъ особымъ законамъ. Кромѣ принципа религіознаго единства, турецкое государство перенесло на христіанскія общины свой принципъ сліянія функцій религіозныхъ съ государственными. Въ турецкой имперіи одни и тѣ же лица облечены властью гражданской и церковною. Та же особенность характеризуетъ управление христіанскими общинами. Оттоманское правительство вооружало церковь обширными административными полномочіями и сдѣлало ее представительницею подвластныхъ народовъ; лица, стоящія во главѣ церковнаго управленія, получали судебную и гражданскую власть надъ членами общины; въ рукахъ патріарховъ сосредоточены все нити управленія общинами и на нихъ же возложена отвѣтственность за повиновеніе членовъ общинъ турецкому правительству и за исправное внесеніе податей. Такое смѣшеніе власти не было неестественнымъ въ глазахъ оттоманскаго правительства. Если глава мусульманскаго государства султанъ—въ то же время и глава религіи; то какая можетъ быть странность и неестественность въ томъ, что патріарху, духовному главѣ христіанской райи, предоставлена свѣтская администрація? Если кади, ученый ислама, для мусульманъ—судья; то почему же христіанскій епископъ не можетъ быть судьей для христіанъ?

Что касается устройства христіанскихъ общинъ, то, какъ выше сказано, только католики получили права нѣсколько отличныя отъ остальныхъ христіанскихъ подданныхъ Турціи, все другія христіанскія общины имѣютъ одинаковое устройство. Оно первоначально дано было греческому патріархату, а потомъ разнымъ сектамъ. Поэтому знакомство съ устройствомъ греческой общины—достаточно, чтобъ имѣть представленіе объ устройствѣ другихъ христіанскихъ общинъ, за исключеніемъ католической. Греческая община или греческій патріархатъ представляетъ собою церковно-гражданскій союзъ, съ собственной религіей, администраціей и судомъ. Общинѣ

обезпечена свобода религіи, безпрепятственное отправление церковныхъ обрядовъ и погребеніе мертвыхъ по древнему обычаю. Церковь можетъ владѣть принадлежащими ей издревле зданіями и, съ согласія турецкаго правительства, поправлять ихъ; церковныя зданія и кладбища неприкосновенны. Церковно-гражданское управленіе общиной принадлежитъ патріарху, епископамъ и клиру; они, въ особенности патріархъ какъ представитель управленія, отвѣтственны предъ Портой за повиновеніе православныхъ подданныхъ и за исполненіе ими обязанностей по отношенію къ государству; въ соотвѣтствіе съ этимъ, имъ предоставлено право защищать своихъ единовѣрцевъ предъ турецкимъ правительствомъ. Представленія предъ Портой въ пользу православныхъ патріархъ дѣлаетъ и вообще всѣ сношенія съ Портой ведетъ при посредствѣ великаго логофета, который служитъ посредствующей инстанціей между Портой и патріархомъ по дѣламъ гражданского управленія и которому принадлежитъ право контрасигновать синодальныя постановленія о назначеніи новыхъ архіепископовъ и епископовъ, безъ чего эти постановленія не имѣютъ силы. Во главѣ церковно-гражданскаго управленія общиной стоитъ патріархъ; онъ вѣдаетъ дѣла совместно съ синодомъ, который составляется изъ первѣйшихъ архіепископовъ. Въ церковномъ отношеніи вѣдѣнію патріарха подлежатъ слѣдующія дѣла: надзоръ за церквами, монастырями и ихъ имуществами, назначеніе и низложеніе архіепископовъ и епископовъ, судъ надъ духовенствомъ; Порта, по требованію патріарха, обязана дать фирманъ вновь избранному епископу; безъ согласія патріарха и безъ участія его уполномоченныхъ она не можетъ арестовать митрополита и вообще лицо, облеченное высшимъ духовнымъ саномъ. Въ отношеніи гражданского управленія патріарху принадлежать: безусловная юрисдикція въ дѣлахъ брачныхъ, судъ во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ въ томъ случаѣ, если обѣ тяжущіяся стороны согласны передать дѣло на его рѣшеніе, надзоръ за православными и исправительно-полицейская власть надъ ними, право взимать съ клира и мірянъ подати для церковныхъ цѣлей. Епископы состав-

ляютъ низшую инстанцію и вѣдаютъ церковно-гражданскія дѣла въ своихъ епархіяхъ. Самъ патріархъ можетъ быть судимъ только императорскимъ Диваномъ, но жалобы на него могутъ быть приносимы и обвиненія могутъ поступать не иначе, какъ при посредствѣ синода. Только въ одномъ случаѣ Порты можетъ дѣйствовать самостоятельно противъ патріарха, — въ случаѣ государственной измѣны съ его стороны. Патріархъ свободенъ отъ податей и повинностей, за исключеніемъ специальныхъ взносовъ, точно обозначенныхъ въ бератѣ. Право избирать патріарха принадлежитъ синоду. Избраніе происходитъ слѣдующимъ образомъ. Когда патріаршій престоль сдѣлается вакантнымъ, члены синода и находящіеся въ Константинополѣ архіепископы и епископы собираются въ синодиконъ, т. е. патріаршую палату, находящуюся въ Фанарѣ, и здѣсь, въ присутствіи императорскаго комиссара, избираютъ по большинству голосовъ трехъ кандидатовъ. Результатъ сообщается народу, т. е. двумъ пентадамъ блага духовенства, знатнѣйшимъ лицамъ и выборнымъ представителямъ купцовъ и гражданъ Константинополя, которые собираются и ждутъ рѣшенія въ передней комнатѣ синодикона. Собраніе отдаетъ преимущество одному изъ трехъ кандидатовъ словомъ „аксіось“, составляется протоколъ избранія и подписывается всѣми присутствующими. Затѣмъ синодъ изготовляетъ официальный докладъ Портѣ объ избраніи новаго патріарха. Получивши его, Порты издастъ бератъ, утверждающій новаго патріарха; въ бератѣ подробно перечисляются всѣ права и обязанности патріарха, синода и вообще всѣ привилегіи греческой церкви. На другой день послѣ избранія новоизбранный отправляется съ визитомъ къ великому визирю и послѣдній вручаетъ ему бератъ. Патріархъ можетъ быть низложенъ Портой или самостоятельно, или по ходатайству синода. Первый случай возможенъ только вслѣдствіе государственной измѣны патріарха. Синоду же предоставляется хлопотать предъ Портой о низложеніи патріарха по двумъ основаніямъ: первое, если онъ дурно управляетъ церковью, и второе, если онъ погрѣшаетъ противъ догматовъ право-

славной церкви. По одному изъ этихъ двухъ пунктовъ или обоимъ вмѣстѣ синодъ можетъ произвести слѣдствіе и, если патріархъ окажется виновнымъ, представить Портѣ официальный докладъ о его низложеніи. Тогда Порта объявляетъ патріарха низложеннымъ и синодъ приступаетъ къ новымъ выборамъ.

Главное отличіе устройства католической общины въ Турціи отъ остальныхъ христіанскихъ общинъ заключается въ томъ положеніи, которое занимаетъ папа, глава католическихъ подданныхъ Порты, и которое не имѣетъ ничего общаго съ положеніемъ патріарховъ. Папа не несетъ никакой отвѣтственности за католическихъ подданныхъ Турціи, онъ не даетъ Портѣ гарантіи въ ихъ повиновеніи, подобно греческому и другимъ патріархамъ; какъ папа, такъ и находящаяся подъ его верховнымъ управленіемъ католическая церковь въ Турціи не находится ни въ какой связи съ государствомъ османовъ. Папа назначаетъ епископовъ безъ всякаго вмѣшательства общины и безъ участія Порты; католическое населеніе Турціи управляется духовенствомъ, которое стоитъ въ тѣснѣйшей связи и исключительной зависимости отъ папскаго престола. Хотя католики платятъ караджъ и представляютъ собою такихъ же подданныхъ Порты, какъ и греки, однакожъ ихъ община совершенно изъята изъ вѣдѣнія и вліянія турецкаго правительства. Тогда какъ греческая церковь, при всей своей отдѣльности отъ государства, имѣетъ всетаки видъ правительственнаго учрежденія въ Оттоманской имперіи, католическая церковь и ея органы заняли въ Турціи мѣсто иностранной державы, къ которой примѣнены не начала внутренняго государственнаго права, но статьи международныхъ договоровъ; тогда какъ греческій патріархъ сдѣлался въ извѣстномъ смыслѣ государственною властью, католическіе архіепископы и епископы заняли положеніе, которое можетъ быть сравниваемо съ положеніемъ иностранныхъ миссій. Такой порядокъ вещей не находитъ себѣ оправданія въ коранѣ и положительно невыгоденъ для Турціи. Если турецкое правительство допустило его, то сдѣлало это преклоняясь предъ необходимостію; послѣ того какъ попытки сул-

тановъ утвердить свою власть на западѣ Европы не удалось, Порта принуждена была заключить миръ съ христіанскимъ западомъ и допустить франковъ, т. е. католиковъ до такого существованія въ Турціи, которое, при возможномъ согласіи съ общими началами организациі христіанскихъ общинъ, въ тоже время находилось въ соотвѣтствіи съ особенностями католической религіи.

Таково было юридическое положеніе христіанъ въ Турецкой имперіи отъ пол. XV до конца XVIII в. Естественно рождается вопросъ: насколько оно проявлялось въ дѣйствительной жизни, соотвѣтствовали ли фактъ буквѣ закона, дѣйствительно-ли соблюдались права христіанъ, ихъ вѣроисповѣдная свобода, неприкосновенность личности и имущества, всегда-ли турецкое правительство относилось съ уваженіемъ къ христіанскимъ общинамъ и не дѣлало-ли попытокъ нарушить ихъ привилегіи? Въ рѣшеніи этого вопроса необходимо прежде всего отличать внутреннюю политику Порты, какъ центральнаго правительства, отъ системы, практиковавшейся въ отношеніяхъ низшей турецкой администраціи и османскаго населенія къ населенію христіанскому.

О центральномъ турецкомъ правительствѣ нужно сказать, что оно вообще уважало разъ данныя христіанамъ права и старалось сообразоваться съ ними, если не по существу, то по формѣ. Разумѣется, дѣло не обходилось безъ исключеній. Внутреннимъ мотивомъ, благодаря которому христіане получили права, была снисходительность и терпимость къ нимъ турецкихъ султановъ. Но между султанами, занимавшими престолъ въ теченіи трехъ съ половиною вѣковъ послѣ завоеванія Константинополя, и между придворными, имѣвшими на нихъ большое вліяніе, были лица, отличавшіяся противоположными качествами, питавшія фанатическую ненависть къ христіанамъ. Когда къ такимъ лицамъ переходило кормило правленія, настроеніе Порты измѣнялось и христіанамъ грозила серьезная опасность; уваженіе къ ихъ правамъ переставало быть правиломъ государственной мудрости султановъ и рѣчь заходила о поголовномъ истребленіи христіанъ и христіанской религіи.

Подобная опасность наступила для константинопольскихъ христіанъ въ 1536 году при Сулейманѣ I, который былъ талантливѣйшимъ полководцемъ, способнѣйшимъ организаторомъ государства, но въ тоже время отличался мусульманскою ортодоксальностію и приверженностію къ исламу: ни одинъ турецкій султанъ не построилъ столько мечетей и не обратилъ столько христіанскихъ церквей въ мечети, сколько Сулейманъ. При немъ строго мусульманская партія, состоявшая изъ улемовъ, подняла голову и внушила султану мысль о необходимости уничтоженія или превращенія въ мечети всѣхъ константинопольскихъ церквей, въ томъ числѣ и патриаршей. Законность такой насильственной мѣры доказывалась тѣмъ, что Константинополь не добровольно подчинился Магомету II, не сдался ему на капитуляцію, но былъ взятъ силою. Султанъ склонился уже на предствленія и готовъ былъ издать повелѣніе о томъ, чтобы духовенство забирало свои книги съ церковными принадлежностями и очищало церкви. Къ счастью патриархъ во-время узналъ объ угрожающей опасности и по совѣту великаго визиря, неодобрившаго намѣренія султана, успѣлъ предотвратить ее. Онъ выступилъ съ заявленіемъ, что Константинополь не былъ взятъ силою оружія; тогда какъ одна часть города уступила подъ напоромъ османовъ, другая вмѣстѣ съ императоромъ Константиномъ добровольно сдалась на капитуляцію. Въ подтвержденіе своихъ словъ патриархъ отыскалъ въ Адрианополѣ двухъ свидѣтелей—османовъ, которые насчитывали себя болѣе ста лѣтъ отъ роду и утверждали, что они были участниками занятія Константинополя и служили въ войскѣ Магомета II въ качествѣ янычаръ. Они засвидѣтельствовали, что дѣйствительно Константинополь съ императоромъ сдались Магомету II на капитуляцію. Свидѣтельство, какъ мы знаемъ, исторически не оправдывается; но не принять его нельзя было, особенно въ виду того, что первый сановникъ государства, великій визирь, хотѣлъ вѣрить ему и другихъ желалъ убѣдить въ вѣрности показанія. Усилія улемовъ вытѣснить христіанство изъ Константинополя не

удались ¹⁾). Изъ послѣдующихъ царствованій самымъ труднымъ временемъ для христіанъ и христіанской церкви было царствованіе Мурада III (1574 — 1595) и Магомета III (1595 — 1603). Порта была тогда враждебно настроена противъ христіанъ и не разъ поднимался вопросъ объ уничтоженіи христіанъ и всѣхъ христіанскихъ церквей въ государствѣ. Въ 1577 году громадныя деньги и большія усилія потребовались, чтобы спасти константинопольскія церкви; въ 1595 году фанатическая султаншаматъ требовала сицилійской вечерни для всѣхъ христіанъ Оттоманскаго государства ²⁾). Эти и подобныя случаи, порожденные нетерпимостью и мусульманскимъ фанатизмомъ, не мотивированные никакими высшими государственнымъ соображеніями, можно считать исключеніями изъ общаго правила. Это были явленія случайныя, вызванныя личною враждою къ христіанамъ турецкихъ правителей и не имѣвшія серьезныхъ результатовъ. Больше интереса имѣютъ враждебныя дѣйствія турецкаго правительства къ христіанамъ и вторженія въ область ихъ правъ, вызванныя общимъ теченіемъ государственной жизни Турціи, ея политикою вѣдшей и внутренней. Эти дѣйствія имѣютъ такой видъ, какъ будто турецкое правительство противъ желанія, повинуюсь независящему отъ его воли ходу вещей, нарушаетъ или грозитъ нарушить коренныя права христіанъ; оно уважаетъ эти права и готово ихъ свято хранить, только бы сами христіане не заставляли поступать иначе и только бы сохраненіе правъ не шло въразрѣзъ съ государственными выгодами. Къ разряду такихъ дѣйствій относятся: репрессалии, обусловленныя столкновеніями Турціи съ христіанскими народами Европы, мѣропріятія, вызванныя интригами и смутами христіанскихъ общинъ и ихъ взаимными распрями, наконецъ реакція противъ католицизма и католической пропаганды.

Порта не могла быть настолько близорука, чтобы не видѣть, что восточные христіане, не смотря на ту долю свободы — рели-

¹⁾ Martini Crusii, Turcograecia, p. 156—163.

²⁾ Von Hammer, Geschichte des osmanischen Reiches, T. IV, s. 260.

гіозной, личной и имущественной, какая имъ предоставлена по закону, недовольны мусульманскимъ владычествомъ, что они, сознавая свое нравственное превосходство надъ турками, чувствуютъ неправду политической прииженности сравнительно съ турками и, будучи сами безсильны, невольно покоряются побѣдителямъ, но въ то же время ждуть лучшей участи и съ надеждою обращаютъ взоры на христіанскую Европу. Не могла она также не видѣть и того, что христіанская Европа не остается совершенно равнодушною къ Востоку, гдѣ христіанству отведено такое неподобающее его достоинству мѣсто. Порта должна была сознавать неизбежность солидарности между ея подданными—христіанами и христіанской Европой и дѣйствительно сознавала это. Уже Магометъ II видѣлъ, что между католическими подданными его государства и католическимъ западомъ существуетъ тѣсная связь. Послѣдующая исторія, постоянное заступничество за турецкихъ католиковъ Венеціи, Франціи и Австріи еще болѣе должны были убѣдить въ этомъ Порту. Въ скоромъ времени она пришла и къ тому непріятному для себя убѣжденію, что не менѣе тѣсная связь существуетъ между Россіей и многочисленными турецкими подданными греческаго исповѣданія. Венеціане, истые предшественники англичанъ по искусству обдѣлывать дѣла на Востокѣ и чутко понимать собственные интересы, рано подмѣтили, какую силу имѣетъ Россія на Востокѣ и какъ страшна эта сила въ глазахъ султановъ: „великій князь московскій“, писалъ въ своемъ донесеніи Джакомо Соранцо, „потому главнымъ образомъ наводитъ страхъ на султана, что принадлежитъ къ греческой церкви, подобно народамъ Болгаріи, Сербіи, Босніи, Морей и Греціи; эти народы благоговѣютъ предъ его именемъ, потому что держатся того же греческаго исповѣданія; они всегда съ величайшею готовностію возьмутся за оружіе, чтобы освободиться отъ турецкаго рабства и перейти подъ его власть“¹⁾). Тяготѣніе турецкихъ христіанъ къ христіанской Европѣ отразилось на отно-

---

¹⁾ Albèri, Relazioni degli ambasciatori Veneti al senato, t. II, p. 206.

шеніяхъ къ нимъ оттоманскаго правительства и было причиною репрессалій. Порта была увѣрена, что всякое столкновеніе ея съ Европой производить броженіе въ массѣ ея христіанскихъ подданныхъ, что европейскія державы рассчитываютъ на содѣйствіе этой массы, дорожатъ ею, что поэтому бороться съ Европой можно и косвенно, дѣйствуя на христіанскую массу Турціи. Когда во время борьбы Сулеймана I съ императоромъ Карломъ V императорскій флотъ подошелъ къ Моревъ, взявъ укрѣпленный городъ Коронъ, войско проникло въ страну, стало занимать менѣе важные города и брать турокъ въ плѣнъ, великій визирь Ибрагимъ-паша объявилъ императорскому послу Іерониму изъ Зары, что если такъ дѣло продолжится и непріязненные дѣйствія не будутъ пріостановлены, то іерусалимскія церкви будутъ превращены въ мечети, остальные церкви въ турецкой имперіи будутъ разрушены, священники и монахи будутъ изгнаны и христіанскимъ купцамъ запрещено будетъ торговать. Угроза не была приведена въ исполненіе, потому что скоро былъ заключенъ миръ. Къ подобнымъ угрозамъ Порта прибѣгала и при другихъ случаяхъ; при Мурадѣ IV былъ проектъ истребленія всей христіанской райи, при Мустафѣ III — проектъ истребленія константинопольскихъ христіанъ. Эти проекты тоже не были осуществлены. Не всегда однакожь Турція ограничивалась угрозами: извѣстны примѣры, когда она примѣняла къ христіанамъ репрессивныя мѣры, не имѣя даже для этого разумныхъ основаній, руководствуясь лишь простыми подозрѣніями. Прискорбный фактъ такого рода былъ, между прочимъ, вызванъ въ началѣ XVII в. при Ахмедѣ I неблагоразумнымъ поступкомъ австрійскаго посла Чернина (изъ Праги). Въѣзжая въ Константинополь, онъ развернулъ знамя, на которомъ на одной сторонѣ былъ изображенъ Христосъ на крестѣ, а на другой императорскій двуглавый орелъ. Это невиданное до тѣхъ поръ зрѣлище сильно смутило мусульманъ и привело ихъ въ негодованіе, потому что у нихъ хранилось преданіе объ одномъ древнемъ пророчествѣ, по которому появленіе въ стѣнахъ столицы знамени съ изображеніемъ креста будетъ призна-

комъ гибели государства. Турецкое правительство придало этому особенный смысл; въ поступкѣ Чернина увидѣло сигналъ къ возмущенію христіанскихъ подданныхъ Турціи противъ правительства, наглядное указаніе христіанамъ, что пришло время водрузить на стѣнахъ Константинополя крестъ. Въ томъ предположеніи, что въ домахъ христіанъ, въ ихъ церквахъ и монастыряхъ спрятано оружіе, сдѣлано было на христіанъ нападеніе. Разумѣется, предполагаемаго оружія не нашли, тѣмъ не менѣе допущены были страшныя насилія надъ христіанами: въ Галатѣ францисканскій генералъ-викарій былъ схваченъ и безъ суда и расправы брошенъ въ воду, болѣе сорока христіанъ въ теченіи ночи были повѣшены на улицахъ.

Подобно тому, какъ враждебныя отношенія къ европейскимъ державамъ служили поводомъ къ репрессаліямъ, недостатки внутренней жизни христіанскихъ общинъ въ Турціи давали Портѣ возможность вмѣшиваться въ ихъ дѣла и извлекать для себя изъ этого вмѣшательства немаловажныя матеріальныя выгоды. Интриги составляютъ первородный грѣхъ христіанскихъ общинъ въ Турціи. Почти съ первыхъ дней существованія греческой общины начались искательства изъ-за выгоднаго и вліятельнаго мѣста греческаго патріарха, явилось много охотниковъ занять патріаршій престолъ; они наперерывъ другъ передъ другомъ заискивали у Порты, надѣясь при ея содѣйствіи достигнуть желанной цѣли, и предлагали денежное вознагражденіе за свое возведеніе въ патріаршее достоинство. Это обстоятельство было, какъ нельзя болѣе, съ руки Порты и дало ей средство обложить греческихъ патріарховъ данью—первое нарушеніе привилегіи, данной Магометомъ II Геннадію, за которое вина всецѣло падаетъ на самихъ христіанъ. Это нарушеніе сдѣлано самимъ же Магометомъ II. Геннадій и его преемникъ Маркъ не платили дани въ султанскую казну. Симеонъ изъ Трапезунда, достигшій престола съ помощью интриги, первый внесъ султану тысячу дукатовъ, подъ видомъ подарка; это была сумма, предварительно и добровольно обѣщанная Симеономъ Портѣ за возведеніе на престолъ. Его преемникъ, филиппопольскій архіепископъ

Діонисій, обѣщавъ уже заплатить и дѣйствительно заплатилъ при возшествіи на патріаршій престолъ двѣ тысячи дукатовъ. Порта стала смотрѣть на эту сумму, какъ на опредѣленную дань, и требовала ее формально. Когда Симеонъ, при вторичномъ избраніи въ патріархи, послалъ по старому подарокъ въ тысячу дукатовъ, ему отвѣтили, что, какъ видно изъ податныхъ списковъ, предшественникъ его внесъ вдвое противъ этой суммы и уменьшеніе впредь не можетъ быть допущено. Симеонъ повиновался и заплатилъ двѣ тысячи. Къ этой дани, которую съ тѣхъ поръ платилъ патріархъ при вступленіи на престолъ, присоединилась еще ежегодная дань. Она тоже обязана своимъ происхожденіемъ интригамъ самихъ христіанъ. Во вторичное патріаршество Симеона явился къ султанскому двору сербскій монахъ Рафаилъ и обѣщавъ, въ случаѣ если будетъ возведенъ на патріаршій престолъ, платить ежегодно двѣ тысячи дукатовъ, кромѣ тѣхъ двухъ тысячъ, которыя по положенію будутъ заплачены при вступленіи въ должность. Симеонъ былъ изложенъ и на престолъ возведенъ Рафаилъ. Послѣ того, до конца правленія Магомета II патріархъ обяванъ былъ платить въ султанскую казну ежегодную дань въ двѣ тысячи дукатовъ. При преемникахъ Магомета сумма увеличена, при Баязетѣ II дошла до 3500 дукатовъ, а при Сулейманѣ I до 4100 дукатовъ. Эта послѣдняя цифра сдѣлалась, начиная съ Сулеймана I, нормою патріаршей дани и обозначалась въ султанскихъ бератахъ ¹⁾. Способъ, которымъ Порта проводила излюбленныхъ кандидатовъ на патріаршій престолъ, былъ слѣдующій. Министръ иностранныхъ дѣлъ, вѣдѣнію котораго подлежали дѣла патріархата, при помощи своихъ креатуръ, сообщалъ членамъ синода, что онъ желалъ-бы видѣть на престолѣ новаго патріарха. Тотчасъ начиналась интрига, одни спѣшили снискать милость министра, другіе рассчитывали на выгоды отъ избранія новаго лица, прежній патріархъ обвинялся въ дурномъ управленіи церковью и

¹⁾ Crusii, Turcograecia, p. 121—125, 129—131, 145, 154, 164.

въ этомъ смыслѣ писался докладъ Портѣ, которая его низлагала. Производились новые выборы и народъ провозглашалъ „аксіось“ тому, кто былъ напередъ намѣченъ въ тайномъ совѣщаніи между важнѣйшими членами синода и знатнѣйшими изъ гражданъ. Происходило обыкновенно такъ, что избранникомъ былъ тотъ, кого желало турецкое правительство. Всѣ формальности бывали соблюдены, законъ не нарушенъ и въ тоже время желанія Порты удовлетворены. Этого можно было достигнуть только при деморализаціи, своекорыстіи и наклонности къ интригамъ—качествахъ, отличающихъ фанаріотовъ, грековъ обитавшихъ въ Фанарѣ, поставившихъ кандидатовъ на церковныя мѣста и игравшихъ роль при выборѣ патріарховъ. Это были люди, сроднившіеся мало-по-малу съ турецкою властью и извлекавшіе собственныя выгоды изъ того положенія, въ которое эта власть поставила ихъ по отношенію къ остальной массѣ православныхъ. Въ средѣ фанаріотовъ были банкиры, наживавшіеся отъ отдачи денегъ въ ростъ султану, султанскимъ женамъ и пашамъ; изъ этой среды выходили патріархи, архіепископы и епископы, которые съ помощію подкуповъ получали мѣста и, получивши ихъ, выжимали деньги изъ массы православныхъ, подвластныхъ ихъ управленію. Въ этихъ людяхъ Порты находила вѣрныхъ слугъ; пользуясь ими она могла существенно нарушать права христіанской общины, оставляя ихъ ненарушимыми по буквѣ. Благодаря имъ, ихъ интригамъ, продажности и угодливости предъ Портой, патріархатъ обложенъ данью и за христіанскою общиною осталась одна тѣнь свободы. Вообще внутренняя жизнь христіанскихъ общинъ не представляетъ привлекательной картины: фонъ ея омраченъ борьбою честолюбія, раздорами и несогласіями, каждый разъ дававшими Портѣ возможность наложить на христіанъ и на ихъ карманы свою руку. Иногда раздоры принимали размѣры нежелательные для самой Порты, грозившіе нарушеніемъ внутренняго мира имперіи, и турецкое правительство приходило къ мысли о необходимости отнять у христіанъ права, которыми они не умѣютъ пользоваться. Когда напр. въ 1580 году появились

два греческихъ патріарха, которые не уступали другъ другу и не хотѣли примириться, султанъ объявилъ, что если согласіе не возстановится, то патріаршія палаты съ принадлежащею къ нимъ церквію будутъ взяты и церковь будетъ обращена въ мечеть ¹⁾. Мысль объ отнятіи у христіанъ правъ не была осуществлена, но она не осталась совершенно безъ приложенія. Порта показала видъ, что если она не принимаетъ рѣшительныхъ мѣръ и, не смотря на завѣдомую неспособность христіанъ къ самоуправленію, не лишаетъ ихъ правъ и не уничтожаетъ христіанской общины, то дѣлаетъ это вопреки законамъ благоразумія, допускаетъ поблажку и что во всякомъ случаѣ за такую снисходительность христіанская община обязана вещественною благодарностью, должна заплатить правительству выкупъ. Такимъ образомъ собственная неосторожность христіанъ дала Турціи поводъ обложить ихъ права—данью. Во второй половинѣ XVI вѣка греческая община за свое коренное право, религіозную свободу, должна была платить ежегодно 25 тысячъ цехиновъ, сверхъ того за право погребать мертвыхъ—три тысячи цехиновъ; право имѣть церкви тоже не было пощажено, церкви съ ихъ имуществами обложены были данью, исключая церквей Константинополя, Адрианополя и Брусы. Вражда и раздоры не только вкрались во внутреннюю жизнь христіанскихъ общинъ, но были обычнымъ спутникомъ взаимныхъ отношеній разныхъ христіанскихъ общинъ, выступали наружу тамъ, гдѣ интересы общинъ приходили въ соприкосновеніе; они тоже давали туркамъ поводъ къ вмѣшательствамъ и денежнымъ поборамъ. Чаще всего интересы христіанскихъ общинъ сталкивались въ Палестинѣ, по вопросу о владѣніи святыми мѣстами и ключами Гроба Господня. Здѣсь рядомъ, о-бокъ другъ съ другомъ, жили францисканскіе монахи, греки, сирійцы, грузины, армяне, несторіане, якобиты, абиссинцы; кромѣ того сюда часто навѣдывались ливанскіе марониты и іезуиты. У каждой общины были свои монастыри, церкви, часовни и мѣста, дорогія для

---

¹⁾ Charrière, Négociations de la France dans le Levant, t. III, p. 897.

христіанъ по священнымъ воспоминаніямъ, связаннымъ съ ними. По поводу владѣнія этими мѣстами происходили споры между общинами, одна община дѣлала вторженія въ область другой, поднимались жалобы, за которыми слѣдовало вмѣшательство турецкаго правительства и денежные взысканія. Такъ напр. однажды францисканскіе монахи ворвались въ часовню грузинъ, расположенную вблизи лобнаго мѣста и прочитали миссу. Грузины жаловались санджакъ-бегу, который заставилъ францисканцевъ очистить часовню и взыскалъ съ нихъ штрафъ въ тысячу дукатовъ. Особенно прибыльны были для Порты пререканія между францисканцами, греками и армянами за владѣніе Святымъ Гробомъ, за право хранить ключи отъ св. Гроба. Каждая изъ трехъ сторонъ изъясляла притязанія на это почетное право и, запасшись деньгами, искала поддержки у турецкаго правительства, которое не находило ничего лучшаго, какъ передавать ключи изъ рукъ въ руки и такимъ образомъ имѣть постоянный и неизсякаемый источникъ доходовъ.

Въ распряхъ между христіанскими общинами турецкое правительство попеременно принимало сторону той или другой; все дѣло обусловливалось искусствомъ интриги, размѣромъ подкупа и степенью давленія иностранныхъ посольствъ. Но если Порта оказывалась внѣ этихъ стимуловъ и дѣйствовала болѣе или менѣе независимо отъ нихъ, то ея отношенія къ христіанскимъ общинамъ получали ту особенность, что община католическая несла потери и пользовалась меньшимъ расположеніемъ и покровительствомъ Порты, чѣмъ другія общины. Это явленіе объясняется тѣмъ, что устройство католической общины съ духовенствомъ независимымъ и неотвѣтственнымъ предъ турецкимъ правительствомъ, стоитъ въ противорѣчій съ государственными интересами Турціи и не можетъ быть пріятно для Порты. Порта допустила это устройство по необходимости, но никогда не была имъ довольна; католическая община была живымъ памятникомъ ея пораженія и смиренія предъ христіанскимъ западомъ, постояннымъ укоромъ въ глазахъ мусульманскаго міра. Естественно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда Порта была призвана

произнести свой приговоръ надъ католическою общиною и, произнося его, становилась на точку зрѣнія государственную, ея приговоръ не отличался снисходительностію. Вообще католицизмъ не пользовался расположеніемъ Порты; увеличеніе числа католиковъ, слѣдовательно подданныхъ ускользавшихъ изъ-подъ ея контроля, было для нея явленіемъ крайне нежелательнымъ. Отсюда происходила вражда Порты къ католической пропагандѣ, то противодѣйствіе, которое она оказывала распространенію католичества въ Турціи. Католическіе миссіонеры были въ ея глазахъ ея политическіе враги, они изгонялись и дѣятельность ихъ парализовалась; вновь обращенные въ католичество христіане другихъ исповѣданій подвергались гоненію и ортодоксія поддерживалась. XVII-й и XVIII-й вѣка наполнены явленіями этого рода. Въ это время католицизмъ нашелъ ревностныхъ поборниковъ въ іезуитахъ, которые перенесли свою дѣятельность на востокъ и направили свои усилія на грековъ константинопольскаго патріархата и на самый патріархатъ, а еще болѣе на армянъ. Усилія ихъ не были безуспѣшны: константинопольскій патріархатъ былъ временно въ ихъ рукахъ, значительное число грековъ и множество армянъ перешло въ католичество. Но и Порта не дремала, энергично поддерживала православныхъ грековъ и ортодоксальныхъ армянъ, преслѣдовала новообращенныхъ католиковъ и гнала іезуитовъ. Іезуиты пробрались въ Константинополь въ началѣ XVII вѣка, осѣли въ Перѣ, получили здѣсь въ свое вѣдѣніе церковь св. Бенедикта, основали школу, стали бесплатно обучать въ ней греческое и армянское юношество и посредствомъ женщинъ повели пропаганду въ домахъ и семействахъ. Изъ Константинополя іезуитская миссія мало по-малу раскинулась на островахъ архипелага и въ азіатской Турціи; іезуиты проникли на Хіосъ, въ Смирну, Кипръ, Алеппо и Арменію. Много разъ іезуиты были изгоняемы и всякій разъ, такъ или иначе, вновь появлялись и, пользуясь покровительствомъ французскаго и австрійскаго пословъ, продолжали свое дѣло. Въ теченіи какихъ-нибудь двадцати лѣтъ они настолько окрѣпли, что помышляли о завладѣніи святыми мѣстами и

константинопольскимъ патриархатомъ. Константинопольскій патриархъ Кириллъ дважды былъ удаляемъ съ престола и его мѣсто занимали греки, обращенные іезуитами въ католичество. Оба раза патриархъ былъ возвращенъ Портой, іезуиты были закованы въ цѣпи и высланы изъ Турціи. Однакомъ они незамѣтнымъ образомъ сумѣли опять появиться и по смерти Кирилла успѣли провести на его мѣсто одного своего питомца. Наученные прежнимъ опытомъ, они стали дѣйствовать осторожно, но въ концѣ XVII в., ободренные успѣхами, выступаютъ рѣшительнѣе. Поднялись громкія жалобы со стороны грековъ и константинопольскаго патриарха и Порта опять послѣдила на помощь. Въ разныхъ мѣстахъ, особенно на Хіосѣ, противъ іезуитовъ и ихъ приверженцевъ приняты были рѣшительныя мѣры: султанъ Мустафа II издалъ строгій хатти-шерифъ, воспрещавшій, подѣ страхомъ тюремнаго заключенія и денежныхъ пеней, совращенія и переходъ христіанскихъ подданныхъ Турціи въ католичество. Іезуиты не успокоились. Встрѣтивши такой отпоръ со стороны грековъ, они обратили все свое усердіе на армянъ. Чтобы имѣть возможно большій успѣхъ, они сообщили своей пропагандѣ политическую окраску и къ религіознымъ убѣжденіямъ присоединили планы о возстановленіи политической независимости армянъ и улучшеніи ихъ матеріальнаго быта. Расчеты іезуитовъ удались вполнѣ: въ началѣ XVI вѣка много армянъ обратилось въ католичество и вся армянская нація подверглась броженію, образовалось двѣ партіи, изъ которыхъ одна держалась древнеотеческой религіи, а другая была склонна къ католицизму и связывала съ нимъ надежды на національное возрожденіе армянъ. Началась борьба. Католическая партія была настолько сильна, что провела своего кандидата на патриаршій престолъ. Но и здѣсь на помощь ортодоксальной партіи пришла Порта: патриархъ, поставленный католиками, былъ низложенъ и заключенъ въ тюрьму, многіе изъ его приверженцевъ, армянъ, принявшихъ католичество, тоже были брошены въ тюрьму или сосланы на галеры; замѣшанные въ дѣлѣ лица подвернуты тѣлесному наказанію и денежнымъ

взысканіямъ; іезуитская коллегія въ Эрзерумѣ была закрыта и іезуиты, вмѣстѣ съ своими питомцами, принуждены были искать убѣжища за предѣлами Арменіи. Преслѣдованія, начатыя противъ армянъ-католиковъ, продолжались нѣсколько лѣтъ, имъ подверглось много знатныхъ и должностныхъ лицъ изъ армянъ, одинъ армянинъ былъ казненъ смертію и султанъ издалъ хаттишерифъ, угрожавшій армянамъ-католикамъ страшными наказаніями. Іезуиты притихли, но не отказались совершенно отъ своей задачи. Ихъ дѣятельность нашла поддержку въ мекхитаристахъ, армянскихъ монахахъ бенедиктинскаго ордена изъ монастыря, основаннаго въ началѣ XVIII в. Мекхитаромъ на островѣ Санъ-Лазаро, въ Венеціи. Мекхитаристы задались цѣлью воссоединить армянъ съ католическою церковью и реорганизовать Арменію въ политическомъ отношеніи. Религія должна была послужить рычагомъ для подъема армянскаго народа, нравственно и политически упавшаго подъ господствомъ турокъ. Цѣли предполагалось достигнуть развитіемъ народнаго образованія и національной литературы, объединеніемъ религіозныхъ и патріотическихъ стремленій. На этой почвѣ слились усилія іезуитовъ и мекхитаристовъ и результаты не заставили себя ждать. Множество армянъ, въ томъ числѣ изъ знатныхъ и богатыхъ семей, перешло въ католичество. Порта опять встревожилась и опять начались преслѣдованія, которыя нѣсколько разъ возобновлялись въ прошломъ и настоящемъ столѣтіяхъ.

Выводъ изъ указанныхъ фактовъ — тотъ, что въ Оттоманской имперіи въ отношеніяхъ центральнаго правительства къ христіанамъ совмѣщались вещи несовмѣстимыя: соблюденіе: привилегій съ нарушеніемъ, религіозная терпимость съ нетерпимостію, уваженіе къ правамъ съ пренебреженіемъ, и что примиряющимъ началомъ для этихъ противоположностей былъ произволь. Произволь стоялъ выше всего. Порта въ каждомъ беретѣ повторяла о своей рѣшимости свято хранить законъ и въ тоже время безцеремонно его обходила; права христіанъ оставались въ силѣ и Порта сообразовалась съ ними, но лишь въ той степени, въ какой это было для нея выгодно; полити-

ческой и финансовый расчетъ стоялъ выше принципа, личная симпатія или антипатія султана ставила на карту существованіе цѣлой правительственной системы. Не смотря на все это, если бы положеніе христіанъ въ Турціи исчерпывалось отношеніями ихъ къ центральному правительству, то оно могло бы быть названо блистательнымъ. Отношенія Порты какъ центральнаго правительства, при всемъ ихъ непостоянствѣ и произвольности, не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ отношеніями къ христіанамъ низшей администраціи и мусульманскаго населенія; они—воплощеніе законности и мягкости, сравнительно съ тѣмъ своеволіемъ и безнаказанною жестокостію, которыя царили въ провинціяхъ. Христіане были совершенно безпомощны предъ администраціей. Ихъ права не существовали для мусульманскихъ административныхъ властей. Любой санджакъ-бегъ (губернаторъ) или даже субаши (городничій) нападалъ на христіанскую церковь, грозилъ висѣлицею епископу, бралъ выкупъ съ христіанъ и забиралъ все, что было ему угодно; найти противъ него судъ и расправу было трудно. Напр. въ 1587 вновь назначенный санджакъ-бегъ Іерусалима, по причинѣ никому неизвѣстной, велѣлъ схватить и умертвить сирійскаго епископа, церковь сирійскихъ христіанъ превратилъ въ мечеть и грозилъ подобною же участью настоятелямъ четырехъ христіанскихъ монастырей, въ случаѣ если они тотчасъ не заплатятъ десяти тысячъ дукатовъ. Христіане съ большимъ трудомъ собрали требуемую сумму и откупились отъ этого разбойника ¹⁾. Христіанами подана была жалоба въ Константинополь, но она не имѣла никакихъ послѣдствій. Эта безпомощность христіанъ была неизбѣжнымъ слѣдствіемъ системы управленія Оттоманской имперіей, вытекала изъ тѣхъ недостатковъ, которые господствовали въ административномъ строѣ государства.

Роковымъ недостаткомъ турецкаго административнаго управленія было взяточничество и вымогательства. Турецкіе чиновники получали большіе доходы по закону, субаши отъ 1 до 3 тысячъ

---

¹⁾ Hammer, Geschichte des osmanischen Reiches, T. IV, s. 190.

дукатовъ, санджакъ-беги отъ 3 до 16 тысячъ, беглербеги отъ 15 до 30 тысячъ, законные доходы великаго визиря, стоявшаго во главѣ административной лѣстницы, доходили до 100 тысячъ дукатовъ. Но администрація не довольствовалась этими законными доходами, каждый чиновникъ получалъ незаконныхъ поборовъ по крайней мѣрѣ вдвое противъ той суммы, которая опредѣлена была закономъ. Великіе визири составляли баснословныя состоянія продажей государственныхъ должностей и подарками, взявавшимися ими со всѣхъ и каждаго, кто имѣлъ къ нимъ дѣло; до какой цифры простирались ихъ доходы—видно изъ того, что Магометъ Соколли, кромѣ законныхъ ста тысячъ, собиралъ каждый годъ около милліона дукатовъ и имѣлъ недвижимаго имущества на 18 милліоновъ. Примѣру великаго визиря слѣдовали подчиненные ему беглербеги (генераль-губернаторы), беглербегу не уступали подвластные беглербегамъ санджаки, а за санджаками тянулись субаши. Всѣ они, купивши себѣ должность, задавались цѣлью не только воротить истраченные деньги, но нажить себѣ, какъ можно скорѣе, состояніе. Естественнымъ результатомъ были притѣсненія и вымогательства, которыя всею тяжестью обрушивались на страну и ея жителей. Допускались неслыханныя жестокости, съ цѣлью выжать деньги, и жестокости проходили безнаказанными, потому что вся администрація была заражена однимъ и тѣмъ же зломъ; жалобы въ высшей инстанціи доходили до великаго визиря, который самъ былъ взяточникъ и по необходимости долженъ былъ терпѣть взяточничество и вымогательство подчиненныхъ чиновниковъ. Всѣ страдали отъ этого зла, какъ мусульмане, такъ и христіане; но само собою понятно, что гнетъ ложился на христіанъ болѣе тяжелымъ образомъ, чѣмъ на мусульманъ, потому что въ социальномъ отношеніи христіане стояли ниже мусульманъ. Мусульмане большею частію были или администраторы, или помѣщики (займы и тимарли), владѣвшіе землей съ сидѣвшими на ней людьми, преимущественно христіанами, и обязанные за то государству военной службой. Если санджакъ и субаши вымогали деньги у помѣщика, то послѣдній обращалъ свое

вниманіе на подвластныхъ ему крестьянъ и кромѣ обычныхъ налоговъ, которые подданный (райя) обязанъ былъ платить своему помѣщику по закону Сулеймана I, взималъ еще лишнее, сколько могъ, и такимъ образомъ рѣдко оставался въ накладѣ. Ни религія, ни собственность, ни личность христіанъ не были обезпечены. Ихъ вѣра и обряды были средствомъ обогащенія администраціи, бравшей за религіозную свободу выкупъ, слѣдовательно были неприкосновенны только до тѣхъ поръ, пока у христіанъ были деньги; ихъ имущество ничѣмъ не было гарантировано и дѣлалось предметомъ разграбленія, ихъ жизнь была въ рукахъ правителей. Тяжесть ихъ положенія еще увеличивалась отъ обычая администраціи отдавать свои доходы на откупъ; откупщики нещадили христіанъ и извлекали изъ нихъ возможно большій барышъ. Кромѣ откупщиковъ и вообще сборщиковъ податей, которые помогали чиновникамъ и помѣщикамъ обирать христіанъ, послѣдніе много терпѣли отъ турецкихъ солдатъ, особенно янычаръ. Солдаты не щадили христіанскаго добра, даже въ Константинополѣ, на глазахъ у высшей правительственной власти допускались насилія: сдѣлалось зауряднымъ явленіемъ, что при каждой перемѣнѣ на тронѣ, когда одинъ султанъ смѣнялся другимъ, въ Константинополѣ происходилъ бунтъ янычаръ; они нападали на христіанъ и христіанскихъ купцовъ, грабили ихъ дома и лавки. Если къ этимъ вымогательствамъ и грабежамъ присоединить еще взносы, которые христіане должны были давать духовенству и которые, вслѣдствіе взяточничества и продажности вкравшихся и въ христіанскія общины, были не незначительны, если далѣе принять во вниманіе, что караджъ, который взимало съ христіанъ правительство, изъ году въ годъ увеличивался ¹⁾, то не трудно понять, отчего масса христіанскаго населенія, за исключеніемъ небольшого числа лицъ, умѣвшихъ хорошо устроиться въ Константинополѣ и другихъ городахъ, посте-

---

¹⁾ Караджъ государству съ немусульманъ равнялся въ 1550 году 1,500,000 дукатовъ, въ 1554 году 2,000,000 дукатовъ, въ 1590 году 3,000,000 дукатовъ и т. д.

ненно бѣднѣла. Бѣдность доходила до положительной нищеты и вела къ вымиранію христіанъ.

Нѣсколько свидѣтельствъ, принадлежащихъ лицамъ вполнѣ компетентнымъ, хорошо знакомымъ съ состояніемъ Оттоманской имперіи, лучше всякихъ разсужденій покажутъ, въ какомъ неприглядномъ положеніи находилась масса христіанскаго населенія въ Турціи въ XVI—XVII вѣкахъ. Джакомо Рагаццони въ своемъ донесеніи венеціанскому сенату отъ 1571 года писалъ: „это государство (Турція) населено большею частью христіанами, которые терпятъ отъ турокъ столько притѣсненій, что это превосходитъ даже всякое вѣроятіе. Но они въ большинствѣ случаевъ до того погружены въ бѣдность и нищету, что едва осмѣливаются поднять глаза, чтобы взглянуть турку прямо въ лицо. Даже въ томъ случаѣ, когда ихъ земля плодородна, они заботятся лишь о томъ, чтобы пріобрѣсть столько, сколько нужно для уплаты караджа и для поддержанія жизни; потому что еслибы они добыли что нибудь лишнее, то турки отняли бы у нихъ“ ¹⁾. Другой писатель, путешествовавшій въ XVI в. по Турціи и оставившій дневникъ, Герлахъ, бросаетъ свѣтъ на тотъ фактъ, что бѣдствія христіанъ зависѣли отъ провинціальной администраціи и мусульманъ удаленныхъ отъ столицы: „христіане, говоритъ онъ, находящіеся вдали отъ Константинополя,—въ положеніи крайне плачевномъ; потому что кади, беги, спаги, янычары, находясь въ той или другой деревнѣ, поступаютъ съ ними по произволу, что они имѣютъ—должны скрывать. Но тѣ, которые живутъ ближе къ Константинополю, находятся въ положеніи нѣсколько болѣе сносомъ, они могутъ жаловаться и съ помощью денегъ кое-чего достигнуть: каждый изъ нихъ платитъ ежегодно свою подать, смотря по состоянію, два, три, четыре талера и затѣмъ никто не смѣетъ его обижать, хотя, разумѣется, не обходится безъ того, чтобы ему не пришлось терпѣть то того, то другаго“ ²⁾. Преемникъ Рагаццони въ должности венеціанскаго посла, Маркантонио Гарбаро,

¹⁾ Alberi, Relazioni, t. II, p. 100.

²⁾ Stephan Gerlach, Tagebuch, Francfurta. M. 1674, s. 52.

выясняетъ связь между неудовлетворительностію администраціи, вызывавшей обѣдненіе государства, и уменьшеніемъ народонаселенія. „Эта страна“ писалъ онъ въ своемъ донесеніи о Турціи въ 1573 году, „все болѣе приходитъ въ упадокъ вслѣдствіе недостаточнаго порядка и дурнаго управленія, которые вообще господствуютъ во всемъ государствѣ; къ тому же нужда и недостатокъ въ необходимыхъ средствахъ къ жизни происходятъ здѣсь совсѣмъ отъ другой причины, чѣмъ у насъ. У насъ недостатокъ въ средствахъ пропитанія обуславливается возрастаніемъ народонаселенія и недостаткомъ обрабатываемой земли, которая не въ состояніи болѣе удовлетворять нашимъ потребностямъ, въ Турціи наоборотъ недостатокъ возникаетъ вслѣдствіе все болѣе усиливающагося обезлюденія, потому что остающееся еще немногочисленное земледѣльческое населеніе обрабатываетъ лишь столько полей, сколько нужно для его собственныхъ потребностей, такъ какъ оно знаетъ, что всякій излишекъ будетъ отнятъ у него силой; поэтому оно лучше предпочитаетъ оставить впускъ свою столь плодородную и доходную землю“¹⁾. Англійскій посоль Томасъ Ру въ своей депешѣ отъ 1622 года тоже констатируетъ этотъ фактъ обезлюденія Турецкой имперіи, порожденнаго правительственною жестокостію и несправедливостію, и приводитъ цифры, показывающія въ какой поразительной прогрессіи оно возрастало. „Я расскажу вамъ удивительную вещь“, писалъ своему правительству англійскій посоль: „около шестнадцати лѣтъ тому назадъ было предпринято исчисленіе населенныхъ деревень въ государствѣ султана и по переписи оказалось ихъ болѣе пятисотъ пятидесяти трехъ тысячъ; въ прошломъ году предъ началомъ польской войны оцѣнено было произведено было исчисленіе и оно показало, что число деревень уменьшилось до семидесяти пяти тысячъ. Это, нѣтъ сомнѣнія, — поразительное уменьшеніе народонаселенія. Правда, развалившіеся дома стоятъ еще во многихъ мѣстахъ; но несправедливость и жестокость правителей дсвели до того, что они оставлены

---

¹⁾ Albéri, Relazioni, t. II, p. 313.

вѣсми жителями, и можно цѣлыхъ три дня ѣхать по Греціи и Анатолиі, лучшимъ провинціямъ государства, и не найти ни одного яйца, чтобы поѣсть, не встрѣтить ни одного человѣка, который бы поднесъ глотокъ воды“¹⁾). Какъ странно послѣ такого документальнаго аргумента и заявленія англійскаго посла читать у его соотечественника, знаменитаго историка Гиббона и у другихъ расположенныхъ къ туркамъ писателей, что положеніе грековъ подъ турецкимъ владычествомъ улучшилось! Венеціанскій и англійскій послы говорятъ вообще объ уменьшеніи населенія Оттоманской имперіи, но ихъ слова можно прилагать и къ христіанамъ и даже главнымъ образомъ къ христіанамъ, такъ какъ христіане составляли большинство турецкаго населенія. Если кому такое пониманіе ихъ словъ покажется смѣлымъ, то для убѣдительности можно сослаться на любопытныя статистическія данныя, собранныя Ранке: въ Албаніи въ первой четверти XVII в. исповѣдывавшихъ католическую вѣру было триста пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, къ 1651 году число это уменьшилось до пятидесяти тысячъ; въ промежутокъ времени отъ 1671 по 1703 годъ число католиковъ ниспало: въ архіепископіи Дураццо съ четырнадцати тысячъ до восьми, въ епископіи Стутари съ 20.270 душъ до 12.700 и т. д.²⁾). Эти цифры убѣдительно говорятъ о той несчастной постепенности, съ какою вымирало и таяло въ Оттоманской имперіи христіанское населеніе, вслѣдствіе тяжести турецкаго ига съ его безправіемъ и грабежомъ.

На христіанскихъ державахъ Европы, особенно на Россіи, лежало высокое призваніе — спасти христіанство на Востокъ отъ подавленія и народы отъ медленной смерти. Призваніе было понято и принято. Исторія дипломатическихъ сношеній европейскихъ державъ съ Турціей есть, можно сказать, исторія непрерывнаго заступничества ихъ предъ Портой за угнетенныхъ восточныхъ христіанъ. Рос-

---

¹⁾ Negocations of Sir Thomas Roe in his embassy to the Ottoman Porte. London, 1740, p. 66.

²⁾ Historisch—politische Zeitschrift, Berlin, 1834, B. II, s. 299, sequ. pp.

сія придала этому заступничеству реальную постановку. Съ того момента, какъ ея вліяніе въ Турціи утвердилось на прочныхъ основаніяхъ въ концѣ XVIII в., наступаетъ новая эпоха въ жизни восточныхъ христіанъ и отношенія къ нимъ турецкаго правительства принимаютъ другой видъ.

Н Скабалановичъ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки